

**Н. Северин**

# **Звезда цесаревны**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
Н11

Н11 **Н. Северин**  
Звезда цесаревны / Н. Северин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 242 с.

**ISBN 978-5-4241-2016-9**

Н. Северин — литературный псевдоним русской писательницы Надежды Ивановны Мердер, урожденной Свечиной (1839 — 1906). Она автор многих романов, повестей, рассказов, комедий.

**ISBN 978-5-4241-2016-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021  
© Н. Северин, 2021

# Звезда цесаревны



# I

В Любишках царил страшный переполох.

Под вечер жаркого летнего дня разнесся по всему местечку неизвестно откуда залетевший слух о сражении между русскими и поляками, происходившем будто бы под самым городом, отстоявшим отсюда версты за три.

Сражение это должно было роковым образом отразиться на всей окрестности, населенной православными и католиками с примесью жидов. Здесь знали по опыту, чему подвергаются православные в случае победы поляков и каково будет католикам, если одолеют русские. Более ста лет длится братоубийственная брань в этой, местности, более ста лет, как люди здесь не знают покоя в постоянном ожидании неприятельских нашествий, в постоянном ужасе и страхе. Редкий год удавалось благополучно снять с полей жатву и с деревьев плоды, редкий год не приходилось воздвигать новые постройки на пепелищах. Дома строились с глубокими подвалами и потаенными ходами на случай необходимости скрывать добро от опьяненных кровью и вином победителей и самим хорониться от их насилия, когда не удавалось бежать куда-нибудь подальше.

Жили припеваючи, ничего не опасаясь, только те, кому покровительствовали монахи из соседних монастырей благодаря богатым вкладам или по другим каким-либо соображениям.

У самых Любишек красовался на горе богатый иезуитский монастырь, пользовавшийся большою популярностью по всей окрестности. Сюда отдавали в учение к мудрым патерам сыновей важнейших варшавских магнатов, и святые отцы находились в приятельских отношениях не только с сынами католической Польши, но и со многими из влиятельных русских бояр, близких к царю Петру, который, как известно, отличался большою веротерпимостью и вреда от монахов не признавал.

В ту ночь никто, кроме разве младенцев, не смыкал глаз в Любишках. В неизвестности, на чьей стороне будет победа и от кого придется страдать, от своих или от чужих, русские и поляки сидели, запершись в домах, деятельно готовясь к приему непрощенных гостей.

Укладывалась серебряная и золотая утварь, образа, драгоценные украшения и ткани, редкие книги, картины — все, что было дорого и мило и что хотелось сохранить от грабежа, в сундуки, шкапулки и баулы, которые выносились либо в подвалы, либо оставались наготове в ожидании доброжелателей из соседнего мужского монастыря, где были такие глубокие тайники, что, хоть все пожги и перерой, ничего не найдешь.

Всю ночь носились по улицам одни только жида с предложениями услуг и с вестями одна другой ужаснее и лживее. Они с клятвами уверяли, что войска уже сюда скачут, что слышен топот их коней и лязг оружия, что раненым такое множество, что в местечке для них не хватит места, что убитых целые кучи и что решено сжечь Любишки дотла, а всех жителей перерезать и перевешать.

Вполне верить этим слухам нельзя было, тем не менее всем было страшно, особенно мужьям и отцам хорошеньких женщин, скрыть которых от победителей, опьяненных вином и кровью, было много труднее, чем спрятать баулы с драгоценными вещами.

В одном из лучших домов местечка, у окна с запертым ставнем, стоял молодой шляхтич Стишинский с женой своей Зосей, и оба выглядывали на улицу через проделанные отверстия в ставне на мелькавшие взад и вперед в белесоватом сумраке летней ночи растрепанные фигуры в длинных лапсердаках, с развевающимися фалдами и с мотавшимися по ветру пейзажами.

Стишинские слыли в здешней местности за людей состоятельных. Он воспитывался в доме одного *русского* боярина в Киевском воеводстве, ходил в поход против татар и женился на хорошенькой воспитаннице соседней помещицы, принесшей ему кроме хорошенького личика и богатого приданого тряпками и дорогими украшениями протекцию довольно влиятельной родни в Варшаве, покровительством которой он рассчитывал воспользоваться в случае, если б ему не удалось поступить на службу в России, куда его тянуло несравненно больше, чем в Польшу, где у него было меньше друзей, чем между русскими, с которыми он сблизился особенно коротко во время похода. А пока он поселился с женой и с трехлетней своей дочкой в Любишках и занимался хозяйством на хуторке, доставшемся ему здесь по наследству от матери-польки, когда не прекращавшаяся при царе Петре война загорелась по всей Литве, Польше и Украине, с переменным для завоевателя счастьем, волнуня и разоряя страну и держа в непрерывном трепете и волнении население не только тех местностей, где происходили кровопролитные сражения, но и всех прилегающих к ним земель.

До сих пор судьба щадила Любишки, но в последнее время слухи о приближающихся к этому местечку войсках и о стычках, происходивших все ближе и ближе, становились настойчивее, и, наконец, сомневаться в том, что и это местечко подвергнется одинаковой участи со множеством других, стало уж невозможно: каждую минуту можно было ждать неприятельского нашествия.

Разумеется, первой мыслью Стишинских было искать убежища на своем хуторе, до которого от Любишек было верст двадцать пять, но ехать туда наобум было опасно, и накануне той ночи, с которой начинается этот рассказ, они послали туда на разведку знакомого фактора Яцека, обещавшего непременно вернуться назад не позже ночи, и в ожидании которого они не решались пуститься в путь. Но он не являлся, а вместо него показались на улице тонкие и юркие фигуры монахов из соседнего католического монастыря, и появление этих черных зловещих «птиц» наполнило ужасом сердце Стишинского.

«Значит, и вправду солдаты сюда должны нагрянуть, если уж в монастыре всполошились, туда вести всегда доходят раньше и вернее, чем в другие места», — подумал он, следя глазами за монахами, которых уж, без сомнения, поджидали там, куда они пробирались, потому что то тут, то там перед которым-нибудь из них растворялась дверь, за которой он бесследно исчезал, в то время как из другого хода выносилось на остановившиеся перед садовыми калитками повозки и кибитки имущество, приготовленное к отправке в надежное место, с женщинами и детьми.

— Спасают пожитки, должно быть, наши одолевают, — проговорила за спиной господ старушка Марыська, вынянчившая барыню и теперь нянчившая их новорожденную дочку, Лизаветочку, сладко спавшую на кровати в соседней комнате, в то время как весь дом дрожал от страшного ожидания беды.

— Не видать Яцека? — спросила барыня.

— Не видать. Да он явится, не беспокойся, успеет, Бог даст, до обители дое-

хоть, — отвечала старуха, испытывая на своем веку так много ужасов, что ей, кажется, ничего не могло быть страшно. — Лошади в фуру запряжены; как узнаем, какой дорогой ехать, так и пустимся в путь. Сейчас с батюшкой прости-лась, он вам благословение свое посылает, хотел было зайти, да попадая не пу-стила. Трусит она, попадая-то, — прибавила она с усмешкой, — как наседка сидит на повозке, детьми обсевшись. В обитель к матери Марии устремляются.

— Ах, кабы и мы уж были там! — вздохнула Стишинская.

— А ты больше на Бога надейся, — возразила Марыська, стараясь выглянуть через ее голову на улицу. — Наши, наши одолевают, — продолжала она с восхи-щением, — ишь, сколько черных тараканов из монастыря напоззло!.. Антоську Дзылянского пана выводят! Право, ее! Укутали с головой, да башмаки забыли переменить, ни у кого в местечке нет желтых башмаков на серебряных каблучках, кроме нее, — продолжала она вслух рассуждать о происходившем на улице. — Верно, пан презус распорядился за нею колымагу прислать... Так и есть! Ну, что я говорила! — вскричала она, указывая на большую желтую колымагу, шестер-ней, которая проезжала мимо окон Стишинских к дому Дзылянских. — Прямо, значит, паненку к монахам отвезут от русских солдат, из огня да в полымя, хи, хи, хи!..

— А хорошо было бы в этой колымаге и нашу барыню с барышней отпра-вить, — заметил Стишинский.

— Что ты брешешь, греховодник? Креста, что ли, на тебе нет, чтоб супругу с дитятей папистам на съедение бросать? — накинулась она на молодого барина с развязностью старой служанки, давно занявшей место из почетнейших в се-мье. — Да уж не в пример лучше здесь остаться, на волю Божию полагаючись, чем поганить себя с иноверцами...

Наконец с заднего двора прибежал хлопец с известием, что пришел Яцек и просит барина выйти к нему в сени.

— Зачем не хочет он при мне говорить? — вскричала Зося, хватая мужа за рукав камзола, чтобы удержать его при себе.

— Сейчас узнаем... пусти меня, моя дорогая, времени терять нельзя, — проговорил с волнением Стишинский, вырываясь из цепких хорошеньких ручек своей супруги и выбегая в сени, где его ждал молодой еврей с бледным лицом и беспокойно бегающими глазами.

— Что ж ты узнал? — спросил у него господин.

— Ой, как плохо! Как плохо! — замахал в отчаянии руками Яцек. — До ху-тора, панове, я добрых десять верст не дошел, все дороги запружены солдатами, пешими и конными... всякого, кто попадетя навстречу, без допроса вешают... Я залез на дерево и смотрел оттуда... идут прямо к хутору пана, и, уж наверно, там теперь все выжжено, и весь народ перебит... мне на каждом шагу встречались беглецы... Сколько коней бродит по полям и по лесам без хозяев, мой пане! Кабы было их куда отвести, целый табун можно бы из них составить, богатым человеком сделаться, — прибавил он со вздохом.

— Куда же нам деться? — задал в недоумении вопрос Стишинский, совер-шенно растерявшись от услышанных вестей. — Попросить разве убежища у матери Марии, в монастыре?

— У матери Марии! О, как видно, мой пане понятия не имеет о том, что происходит по всей стране! Мать Мария еще вчера бежала со всеми сестрами из

монастыря, и не успела она скрыться, как пришли туда солдаты и поселились в нем. Приготовили помещение для генерала, которого ждут с минуты на минуту с целым полком, и как только они придут, тотчас же кинутся на Любишки... с ружьями, с саблями, с пушками... Ой, вай! Что с нами со всеми здесь будет! Можно умереть от одного ожидания! — произнес он, ежась и жмурясь от ужаса.

— Куда же, куда же ехать? — повторял с возрастающим отчаянием молодой отец семейства. — Обратиться разве за помощью в здешний монастырь?

— В монастырь панове не примут, Панове москальской веры... а за последние дни все больше поляки одолевают, и на хутор пана напали поляки; раньше, чем своих убивать и грабить, они захватят имущество схизматиков и перебьют их, сколько можно будет... Панове, верно, слышали, что приехал в Варшаву от папы курьер с индульгенциями для верных сынов его святой церкви...

Объяснения словоохотливого жида были прерваны вмешательством старой Марыськи.

— Что вы его, барин, слушаете? Ведь он жид, а разве жиду можно верить? — вскричала она, обращаясь то к своему господину, то к Яцеку. — Поезжайте-ка с Богом в наш монастырь, к матери Марии. Поехал же к ней с семьей наш батюшка, значит, ничего там еще не случилось... Ты, верно, жид пархатый, боишься господ везти? — накинулась она на фактора, который при ее появлении боязливо попятился к двери. — Так мы и без тебя обойдемся... Грицко знает дорогу не хуже тебя... Да вот и он! Отвезешь господ в обитель матери Марии? — обернулась она к появившемуся в сенях, тускло освещенных сальным огарком в фонаре, подвешенном к потолку, высокому и сутуловатому малому в длинном жупане и с вклоченной копной светлых волос на голове.

— А здесь кто же останется? — заметил барин, очнувшись наконец от тяжелого замешательства.

— Что ж, я, пожалуй, доведу, — медленно произнес хладнокровный хохол, на попечение которого Стишинские рассчитывали оставить весь дом в полной уверенности, что лучше него никому не сохранить его.

Грицко сопровождал барина в походах и, постоянно общаясь с русскими солдатами, выучился с ними говорить и ладить даже и тогда, когда они были так пьяны и разъярены, что сами себя не понимали. На кого же оставить дом, если взять его с собою?

— Ни с какой стороны невозможно подъехать к обители, — позволил себе снова возвысить голос Яцек, пользуясь замешательством, отражавшимся на взволнованном лице Стишинского. — Кабы побеждали москали, ну, тогда... тогда и у папистов Панове нашли бы убежище, но москалей везде бьют...

— А ты убирался бы вон, коли везти Панове отказался! — накинулась на него Марыська в то время, как Грицко молча и с видом глубочайшего презрения на него покосился. — Беги к ляхам, там ты будешь нужен... паненок к монахам везти, — продолжала она, выталкивая жида из сеней на двор.

А затем объявила барину, что караулить дом останется она, Марыська, и пусть только господу скорее уезжают.

Впрочем, ничего больше не оставалось делать: прибежала девчонка, крича изо всех сил: «Несутся! Несутся!» — а из другой двери вбежала барыня, таща за ручонку заспанную дочку. До ушей ее долетели дикие крики, звон оружия, лошадиный топот... Наверное, уже дерутся под самыми Любишками, и выстрелы

раздаются со стороны замка...

А чтоб уехать на хутор, надо было проезжать мимо этого замка... Дольше медлить было невозможно, пришлось принять предложение Марыськи и оставить на ее попечение дом, а самим сесть в фуру, забрав баул с драгоценностями и все, что можно было захватить из имущества, и, с Грицком на козлах, пуститься в дальний, полный неизвестности путь.

Много приключений, одно неприятнее и опаснее другого, пришлось испытать шляхтичу Козиму Стишинскому с женою и с дочерью, пока им наконец удалось выбраться на дорогу в Смоленск, на которую они решились выехать, чтоб достигнуть Москвы, после того как пришлось убедиться, что не спасти им ни дома в Любишках, ни хутора, опустошенных доглатывающими при кровавых стычках, после которых вся местность переходила то во власть русских, то снова отбивалась поляками, чтоб через несколько дней опять достаться москалям.

Несколько раз, оставив семью в безопасном месте, раз у пасечника в дремучем лесу, другой раз в женской обители на русской земле, Стишинский отправлялся один верхом разузнавать по окрестностям, как ехать дальше, не рискуя попасть в западню разбойников или чтоб не наскочить на шайку дезертиров, отставших от войск с целью поживиться за счет несчастных беглецов из деревень и хуторов, местечек и городов, спасавшихся бегством от победителей и побежденных. Пробродив несколько дней по разоренной и опустевшей местности, он возвращался назад со сведениями, до такой степени разноречивыми и неверными, что если и пускался с семьей в дальнейший путь, то потому только, что оставаться на месте с каждым днем становилось затруднительнее: нигде не были им рады, все были поглощены заботами о спасении собственной жизни, и всюду присутствие чужой семьи было в тягость.

Все надежды на помощь исчезали одна за другой.

Первое разочарование постигло их при приближении к женскому монастырю, где у них была знакомая игуменья мать Мария. Яцек на этот раз не соврал: за версту до обители наши беглецы услышали зловеющий шум и гам, поднятый солдатами в некогда столь тихих и мирных кельях монахинь. Порасспросив бегущую оттуда бабу, Грицко, ни слова не говоря господам, повернул лошадей в противоположную сторону и погнал их к мызе знакомого шляхтича, где были веские причины рассчитывать на убежище. Но и здесь их ждала неудача. Хозяин, пан Голубицкий, сам вышел навстречу к приятелю и даже отчасти благодетелю (Стишинский помог ему в прошлом году выпутаться из когтей безжалостного кредитора, чем спас его от разорения) и объявил с низкими поклонами, прижимая руки к сердцу и поднимая глаза к небу, призывая всех святых в свидетели своей скорби, что он никак не может пустить к себе ночевать дорогого приятеля с семьей даже и на одну ночь: у него остановился сам пан полковник со свитой офицеров и капеллан вельможного пана Ржевусского.

Не дав своему господину ответить на дерзкий отказ, Грицко стегнул лошадей и умчал своих господ дальше.

Пришлось переночевать в лесу, в овраге, а на следующий день пуститься на новые поиски.

Целых две недели кружились они таким образом по местности, разоряемой войною, натываясь то на мызы, замки и монастыри, обращенные в груды пепла или в казармы, то на таких прохвостов, как пан Голубицкий. От попадавшихся

навстречу беглецов они узнавали о перипетиях войны и что счастье начинает наконец склоняться на сторону русских, которым удалось завладеть многими местечками и которые гонят поляков назад к Варшаве. Но Стишинским от этого было не легче: всюду натыкались они на опустевшие и разоренные жилища, где нельзя было найти даже корки хлеба. Доевши все до последней крошки и выпив все до последней капли, войска шли дальше. Кабы не жида, перемерло бы больше народу от голода, чем от огня и меча.

И вот однажды, когда отчаяние уж начинало овладевать несчастным шляхтичем, когда он потерял последнюю надежду, когда все: и обстоятельства, и люди, точно сговорившись, восставали против него, покидая его на произвол злой судьбы, когда, куда бы он ни повернулся, всюду встречал враждебность и злой против себя и своих умысел, — счастье наконец ему улыбнулось, и ему удалось встретить знакомого человека — начальника конного отряда, въехавшего в тот самый лес, где они уже много дней скрывались от мародеров, точивших зубы на их крепкую поместительную фуру, на запряженную в нее пару добрых коней, на остатки их имущества и, кто знает, может быть, на хорошенькую его жену.

Обрадовался неожиданной встрече и Лыткин, командир отряда. Лет шесть тому назад дрались они в одном полку против татар, успели подружиться, а затем судьба раскидала их друг от друга так далеко, что мало-помалу само воспоминание об этой дружбе изгладилось из их памяти. Но тут все вспомнилось, и долго рассказывали они друг другу все, что им пришлось испытать хорошего и худого с тех пор, как они виделись в последний раз. Узнав, в какую беду попал Стишинский из-за войны, Лыткину стало совестно жаловаться на собственные неудачи и неприятности. Что значили его печаль в разлуке с близкими, опасности и неудобства, сопряженные с войной, по сравнению с поистине трагическим положением приятеля! Дрожать каждую минуту за жизнь любимой жены и ребенка, сознавая свое бессилие их защитить! Лишиться всего состояния и из человека с хорошими средствами внезапно превратиться в бездомного бродягу!

— Я покажу тебе мою Зосю, ты увидишь, как она мила, нежна, беспомощна, и ты поймешь, как меня страшит будущее, — говорил Стишинский, ободренный участием, с которым его слушали. — Утратив всякую надежду спасти свое имущество в Польше, я решил ехать в Москву, оставить там семью и снова, поступить на царскую службу. От местечка Любишек осталась, говорят, только гряда пепла, а хуторок наш сгорел еще раньше, и теперь неизвестно даже, к кому перешла моя земля.

Его собеседник заметил на это, что вся эта местность теперь завоевана русскими и что он послан начальством именно в Любишки, чтоб приготовить в католическом монастыре главную квартиру для своего командира.

— Ты, разумеется, не откажешься разузнать, что стало с моим домом и с несчастной старухой, которую мы оставили охранять наше имущество, а также куда делись и остальные наши люди? — с живостью спросил Стишинский.

— Я сделал бы это и без твоей просьбы, — отвечал Лыткин. — И знаешь что, — продолжал он, точно обрадовавшись новой мысли, мелькнувшей у него в уме, — всего было бы лучше, если б ты сам с нами туда поехал. Я представил бы тебя нашему начальнику, он сказал бы про тебя царю, и тебя живо бы к нам зачислили в полк, и уж тогда, сам должен понять, что и землю, где был твой хутор, и место, где был твой дом, тебе бы возвратили, и денег бы, может быть,

дали из контрибуции на восстановление разоренного хозяйства... Во всяком случае, потерять от этого ты не можешь, а выиграть можешь многое.

— А куда же я дену Зосю мою с дочерью? — возразил ошеломленный неожиданным предложением Стишинский.

— Ты вез их в Москву?

— Да, мне хочется их там устроить к каким-нибудь добрым людям, а сам буду хлопотать о поступлении на службу. На сбережения, которые мне удалось увезти с собою, нам можно прожить с год, а за это время, может быть, удастся пристроиться.

— Добрые люди, о которых ты сейчас упомянул, у тебя есть?

— Никого у меня в Москве нет, я в этом городе никогда не был.

— Ну, я могу тебе в этом помочь, у меня мать живет в Москве, и она рада будет приютить у себя жену и ребенка моего приятеля, — объявил Лыткин. — Ей, старухе, это даже большое развлечение составит, давно желательно ей дитенка понять, и очень она горюет, что внуков у нее нет. А чтоб довезти твою семью благополучно до места, я отпущу с нею моего Ивашку, которого при последней схватке так ловко хватил по руке саблей лях, что нам здесь он только в тягость. Прямохонько к нашему дому у Никитских ворот доставит он твою супругу с дочкой, и преспокойно проживут они у моей матери до нашего возвращения в Москву. И привезу я тебя к нам, в сердце России, уже совсем русским, отличившимся на поле брани, может быть, на глазах царя; он умеет ценить доблесть и удалство, а ты таким молодцом показал себя с татарами, что и теперь в грязь лицом не ударишь! Решайся же скорей, счастье в твоих руках: упустишь фортуна, она больше никогда к тебе не вернется, — продолжал он с возрастающим одушевлением, которым слушатель его, от природы восторженный и не раз жалевавший, что обстоятельства не позволяют ему принимать участие в кипевшем вокруг него бое, так заразился, что с первых же его слов всем сердцем принял его предложение.

Чем страдать от войны пассивно, прятаться, как баба, от врагов в лесных дебрях, оставляя родовое имение на произвол грабителей, не лучше ли вместе с этим добрым и храбрым малым драться за Россию, за ее гениального представителя, царя Петра?

Он и стрелять умел отлично, и рубиться саблей выучился с ранних лет, он будет полезен, непременно отличится, и царь его заметит, а заметив, приблизит к себе, и тогда счастье его семьи будет упрочено, даже если не удастся спасти разоренное имущество... В том, что его Зосе с дочерью будет хорошо у матери его приятеля, он тоже не сомневался, она должна быть такой же доброй, великодушной женщиной, как и ее сын, и уж одно то, что он их к ней посылает, может служить порукой ее к ним доброго расположения...

— Ну, что ж, принимаешь ты мое предложение? — спросил после недолгого молчания Лыткин, немного озадаченный раздумьем своего собеседника и невольной принимающей раздумье это за нерешительность.

Не будучи в силах произнести ни слова от душившего его волнения, Стишинский молча протянул ему в знак согласия руку, которую старый его товарищ крепко пожал с просиявшим радостно лицом.

Позвали Ивашку, денщика, раненного в руку, объяснили ему, что от него требуется, и вместе с ним отправились к фуре, на которой Зося, вне себя от

нетерпения, ожидала возвращения мужа.

Однако, как ни была она взволнована, но, когда Грицко объявил ей, что барин идет к ним с каким-то чужим офицером, она, не медля ни секунды, принялась приводить свою прическу и костюм в порядок и даже успела одеть так нарядно свою дочку, что обе они произвели самое приятное впечатление на Лыткина. Таких душек мать его не может не полюбить: они с первого взгляда располагали к себе все сердца.

К разлуке с мужем, к необходимости ехать одной в незнакомый город и к незнакомым людям Зося отнеслась скорее с любопытством, чем с печалью и страхом. И муж ее, и его приятель наперебой твердили ей, что разлука долго продолжаться не может, что война подходит к концу, что муж ее вернется к ней, покрытый славой и отличенный самим царем, что все их дела устроятся, как нельзя лучше, благодаря его участию в войне, и Зосе было так приятно всему этому верить, что для грустных мыслей не было места в ее уме и сердце. А когда, оставшись с нею наедине, муж передал ей ключи от шкатулок и баулов с серебром и драгоценными вещами и, сняв с себя кожаную сумку с червонцами и отсчитав себе из них несколько, надел ей на шею эту сумку, она совсем повеселела и тогда только расплакалась, когда наступила минута расставания. Рыдая, прижималась она к груди взволнованного мужа, с трудом сдерживавшего слезы, в то время как их трехлетняя девочка, с недетским выражением тоскливого испуга в больших черных серьезных глазах, не выпуская из своих ручонек руку отца, терпеливо ждала своей очереди в последний раз поцеловать его.

Быстро примирилась Зося со своим положением соломенной вдовы и с возрастающим любопытством всматривалась в попадавшиеся им навстречу все чаще и чаще русские села с златоглавыми церквями и богатыми господскими усадьбами. Когда они останавливались в этих усадьбах, чтоб покормить лошадей или переночевать, живущие в них господа присылали холопа или холопку узнать о приезжих: кто да кто такие, откуда и куда путь держат? И, узнав, что молодая барыня едет из Польши, спасаясь от ужасов войны, господа приглашали ее с ребенком у них отдохнуть в хоромах, где задерживали их часто на несколько дней и отпускали нагруженных съестными припасами на целую неделю.

Особенно располагало русских людей к Зосе то обстоятельство, что она хотя по рождению полька, но крещена в православную веру, значит, все равно что русская, несмотря на то что по-русски говорит смешно и во всем у нее иностранная повадка: одета, как ряженая, и ничуть не стыдится говорить и смеяться с мужчинами. Занятная бабенка и при деревенской скуке большое может доставить развлечение.

Узнав, что она едет в Москву к боярине Лыткиной, которая живет в своем доме у церкви Большого Вознесения и у которой сын на войне вместе с мужем Зоси, ей убедительно наказывали посетить таких-то и таких-то друзей и родственников жителей деревни, причем вместо рекомендательных писем, по безграмотности женщин самого высшего круга тогдашнего времени, ей давали отвести в Москву деревенские гостинцы: бурочки с сушеными ягодами, лукошки с начинавшими уже поспевать яблоками и грушами, штуку тонкого домашнего полотна, собственной работы полотенце, вышитое разноцветными шелками, смотря по степени любви и уважения, которые имелось в виду оказать дорогому человеку через приезжую из далекой страны свидетельницу происходивших